

18+

Удовиченко Андрей
Михайлович

Серия рассказов
«Истории
Обыденсбурга».
Повесть «Солэс»

Удовиченко Михайлович

**Серия рассказов «Истории
Обыденсбурга». Повесть «Солэс»**

«Издательские решения»

Михайлович У. А.

Серия рассказов «Истории Обыденсбурга». Повесть «Солэс» /
У. А. Михайлович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983658-8

Рассказ «Лавка безделушек». Одна из историй, произошедших в городке Обыденсбург. Волею случая состоятельный господин попадает в заброшенную лавку. Как оказалось, магазинчик все еще работает. Только вот товаром в нем выступают положительные качества, приобрести которые можно лишь распрощавшись с отрицательными.

ISBN 978-5-44-983658-8

© Михайлович У. А.
© Издательские решения

Содержание

По справедливости	9
Путешественник	11
Суд	15
ПОВЕСТЬ: СОЛЭС	21
Пролог	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Серия рассказов «Истории Обыденсбурга». Повесть «Солэс»

Удовиченко Андрей Михайлович

© Удовиченко Андрей Михайлович, 2020

ISBN 978-5-4498-3658-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия рассказов: Истории Обыденсбурга.

Лавка безделушек

Невзирая на недовольство жителей небольшого городка Обыденсбурга, пасмурный, угрюмый день развесил на небе гирлянды из серых туч, готовых вот-вот разразиться проливным дождем. В ожидании ненастной погоды обитатели города попрятались в свои деревянные домишки и, плотно задернув шторы, усьелись у теплых очагов.

Настроение меряющего тростью мощные улочки Обыденсбурга господина вполне соответствовало этому мрачному деньку. Совет магистрата по делу о разделе угодий прошел из ряда вон плохо.

«А ведь мы обо всем договорились! И в самый последний момент этот олух Добруз взял и все испортил! В благородство решил поиграть! Земли крестьянам говорит! А где, простите, должен располагаться мой новый загородный особняк?! Об этом он подумал?! Мерзавец!» – искрились в голове у аристократа гневные мысли.

Как назло, достопочтенный господин, чьи выющиеся волосы уже начала захватывать седина, решил в кой-то век пройти пешком и оставил экипаж в поместье. На полпути домой аристократ вспомнил, что забыл в магистрате свой зонт. По закону подлости, который распространяется на все человечество без исключения, подобная оплошность могла привести лишь к одному.

Узрев в своих владениях дерзнувшего бросить вызов законам мироздания человека, угрюмый день сию секунду привел наказание в исполнение. Сильный, отозвавшийся громовым раскатом, удар незримым молотом по набухшим от воды тучам послужил началом к проливному дождю.

– Этого еще не хватало! – буркнул под нос ускоривший шаг господин, стряхнув капли воды со своего цилиндра.

Путь до поместья аристократа был недалек. Впрочем, имелась возможность его сократить, если взять правее и воспользоваться переулком Правды.

Ох, как не любил господин это место! Всю свою жизнь он обходил этот переулок стороной. Но, увы! Нужда в виде усиливающегося проливного дождя все-таки заставила аристократа воспользоваться столь неприятным ему маршрутом.

В глаза спешащему мужчине бросились ухоженные клумбы и чистые крылечки, ведущие к новеньким входным дверям. В особенности прохожему пришлось не по нраву разнообразные вывески домов переулка, гласящие:

«Каждому воздастся по заслугам его – Отдел пенсионного обеспечения».

«На воре и шапка горит – Пожарная служба».

«Накорми ближнего своего, как самого себя – Булочная».

«От судьбы не уйдешь – Свадебное агентство».

– Чушь какая! – фыркнул господин.

Надписи над домами проплывали одна за другой, а дождь все усиливался.

Вдруг мужчина за приметил вывеску, отличную от встретившихся ему на пути. «Лавка безделушек», – гласила табличка.

Воспротивившись уговорам рассудка, господин все же решил обосноваться под крохотным навесом этого здания, тем более, что ничего вызывающего его недовольства в названии лавки не было.

Крылечко было настолько маленьким, что капли дождя, отскакивая от мостовой, норовили попасть мужчине в лакированные туфли. Единственным возможным выходом в данной ситуации, дабы не промочить ноги, было войти в лавку. С большой неохотой аристократ, в крайней степени недолюбливающий всякие «простолюдинские» места, все же решил зайти в заведение.

Очутившись внутри, он поначалу решил, что лавка заброшена. Посетителя встретили пустой прилавок и несколько незанятых стеллажей. Ни одной безделушки, как было обещано на вывеске, не было. Тусклый огонек масляной лампы слабо озарял небольшое помещение.

– А еще в переулке правды находится! – презрительно бросил аристократ и, не желая более находится в этом странном месте, направился к выходу.

В тот же миг, словно в ответ на его реплику, голос позади него сказал.

– Чего изволите?

Посетитель, вздрогнув от внезапного звука, обернулся.

Напротив, за прилавком стоял пожилой мужчина в соломенной шляпе и серенькой жилетке поверх темного свитера. Хозяин лавки устремил выжидательный взгляд на гостя.

Надо отдать должное выдержке аристократа, который, быстро взяв себя в руки, произнес.

– Шутить со мной вздумал?! Чего тут можно желать, когда ничего нет?

Хозяин лавки, хоть и будучи старше посетителя на добрых два десятка лет, казалось, не был подвластен времени – шустро нырнув за прилавок, он вытащил желтый стеклянный шар и положил на стол перед покупателем.

– И что это за стекляшка? – с подозрением спросил аристократ.

– Это доброта, – ответил продавец. Шар, будто желая представиться посетителю, засиял, а в помещении стало заметно теплее.

– Действительно, безделушка! – воскликнул гость. – На кой она мне? Еще и деньги за нее отдавать!

– Деньги ни к чему. Разве можно обменять доброту на деньги? – мягко улыбнулся продавец, – я могу обменять ее на что-нибудь соизмеримое.

– Это на что же?

– На жадность и гнев, например.

– Что?! – моментально всполохнул посетитель, – за дурака меня принимаешь? Два к одному! И это, по-твоему, соизмеримо?!

– Более чем. Я бы даже сказал, что делаю огромную скидку, – миролюбиво промолвил хозяин.

– Не нужны мне твои скидки, мошенник! – грозно произнес аристократ, – есть у тебя еще что-нибудь? Или это единственный хлам, который у тебя завалился?

– Конечно, есть, – энергично закивал головой продавец.

На столе мгновенно оказался сиреневый шар.

– А это еще что такое? – раздраженно спросил посетитель.

– Это скромность.

– Опять два к одному? – проворчал господин.

– Тариф неизменен. Ты вполне мог бы обменять свою гордыню и бахвальство.

– Еще чего! – высокомерно отрезал аристократ. – Чтобы я – член совета Обыденсбурга, председатель банка «Вкладов-скрадов», основатель благотворительного фонда «НехватаНаЗамок» купил эту никчемную скромность! Ты за кого меня принимаешь?!

– Прости великодушно, я действительно допустил ошибку, предложив не тот товар, – примирительно произнес хозяин, – возможно, тебе подойдет вот это.

Продавец выложил на стол розовый шар.

– Что на этот раз? – фыркнул посетитель.

– Это любовь.

– Ха! Да и ты и вправду пройдоха, старик! Хочешь подсунуть мне то, что у меня уже давно есть!

– Если ты имеешь в виду сладострастие, то, боюсь, это не имеет ничего общего с предметом, который я предлагаю.

– Да что ты знаешь об этом! Любовь, видите ли, у него! – презрительно воскликнул аристократ. – Так что же, ты, значит, готов обменять мою любовь на свою? Один к одному? – потирая руки в предвкушении выгодной сделки, произнес посетитель.

– Еще прибавь к этому безразличие, и по рукам, – непреклонно вымолвил хозяин.

– Вот еще! Плевать я хотел на такие предложения, – бросил гость, – чем еще удивишь?

Мягкое свечение зеленого шара озарило комнату.

– Это искренность.

– Искренность на улице правды? Масло масляное, – пробурчал гость.

– Для обмена вполне бы подошли коварство и лицемерие, – предложил хозяин, пропустив реплику посетителя мимо ушей.

– Ха-ха! – мерзко захохотал посетитель, – от этой искренности никакого проку! Товар-то залежалый! На кой он мне?

«А ведь и правда. Давненько его никто не брал», – подумал про себя продавец.

– Может, предложишь мне смелости? – хитро сощурив глаза, произнес аристократ.

– Зачем же мне предлагать тебе то, что у тебя и так есть, – без колебаний ответил продавец, – только вот без доброты и любви твоя смелость всего лишь дерзость, приправленная хамством, и не более того.

– Тоже мне, знаток, – высокомерно бросил гость и остановил свой взгляд на одной из полок, на которой появился переливающийся всеми красками стеклянный шар. Предмет озарил помещение радужным сиянием.

– А это что такое? – с интересом спросил господин.

– Это счастье.

– Да ну! – не веря собственным глазам протянул посетитель.

– Оно самое, – заверил старик.

В мутных, словно болотная жижа, глазах аристократа промелькнуло желание.

– Ну, так что – два к одному?

– Боюсь, не в этот раз.

– То есть, как – не в этот раз?! – возмутился аристократ, – мошенник ты эдакий!

– Этот товар я отдам бесплатно тому, кто приобретет все остальные предметы, – вздохнув, произнес хозяин.

– Ах ты, скряга! – гневно воскликнул гость и с размаху ударил тростью по прилавку, – тарифы у него, понимаете ли! Ну ничего, в магистрате узнают о твоих проделках, вмиг лавочку прикроют! – негодовал господин, направившись к выходу.

На полпути до него донесся голос хозяина.

– Постой! Ты, кажется, обронил что-то!

– Что еще! – гаркнул аристократ, развернувшись.

На полу прямо перед ним лежало маленькое гусиное перышко.

– Это совесть, – последовал ответ.

– Буду я еще спину гнуть из-за всякой ерунды, – рявкнул посетитель и выскочил наружу, напоследок громко хлопнув дверью.

По справедливости

Даже разбушевавшаяся метель была не в силах унять пыл оратора, выступающего с пламенной речью на Лапшичной площади городка Обыденсбурга. Никто не знал, почему магистрат присвоил предназначенному для демонстраций месту такое название. Впрочем, как поговаривают старожилы, именно здесь оттопыренные уши слушателей намного лучше улавливали и усваивали информацию, водопадом льющуюся из уст выступающих.

Вот и теперь собравшийся на площади близ трибуны многочисленный люд восторженно взирал на баллотирующегося в магистрат господина.

Болтуз, так звали нового кандидата на «теплое местечко», сотрясал морозный воздух Обыденсбурга своими возвышенными речами.

- «Земли народу- это по справедливости!».
 - «Всеобщее образование – это по справедливости!».
 - «Бесплатная медицина для всех – это по справедливости!».
 - «Достойные зарплаты трудящимся – это...».
- Воодушевленный праведной речью, народ закончил за Болтуза.
- «По справедливости!».

Последний возглас был настолько мощным, что, в один миг оседлав морозный ветер, он пронесся по городу и, с силой оттолкнувшись от занесенных снегом крыш, взмыл ввысь.

Мерно посапывающий на своем густом облаке старик не подозревал, что через секунду будет столь неприятным образом оторван от своего сладкого сна порывом ветра. Соломенная шляпа тотчас слетела с его головы и полетела вниз, словно бумажный самолет.

– Станный запах у этого ветра, – принялся старик, – так-так – лицемерие и глупость... Но при чем тут справедливость?

Взгляд небесного жителя проследовал сквозь облако вниз и остановился на площади Обыденсбурга.

- Разгоряченный народ более не нуждался в ораторе.
- «Несправедливо, что эта кучка богачей прибрала к рукам наше имущество!».
 - «Несправедливо, что мы сутками пашем и получаем гроши!».
 - «Несправедливо, что мы родились нищими!».
 - «Даешь всеобщую справедливость!».

Толпа не переставала греметь, и почти в каждом лозунге звучало режущее слух старика слово – «Справедливость».

- «Ну, что же, – подумал он, – пожалуй, можно для разнообразия и справедливости».

Давненько не знавал Обыденсбург таких событий. Пилюля со столь громким названием оказалась довольно горька на вкус для тех, кто с таким нетерпением желал ее принять. Денег у толпившихся на площади людей уж точно не прибавилось. Да и земли ведь товар из дефицитных. Но в чем же тогда справедливость? А вот в чем.

На площади не на шутку разбушевдалась метель. В один миг она подхватывала напуганных демонстрантов и спешно уносила их туда, где каждому из них было самое место.

Окрыленный ветром, господин Пэ-Янь, так и не сумев полностью протрезветь, выкрикивал грязные ругательства в адрес незримого обидчика. Всю свою жизнь достопочтенный любитель выпить жаловался на тяжелую жизнь и разбойницу-судьбу, просиживая штаны в одном из трактиров Обыденсбурга. Но, наконец, господин Пэ-Янь был услышан, и справедливость восторжествовала. Конечно, по мнению пропойцы, он должен был быть одарен всем, чем только можно, еще в молодости, ибо заслужил это по праву рождения. В число даров, непременно, должны были войти пятиэтажный особняк, гора золота и красавица жена.

- «А ума не надо?» – как-то раз с похмелья спросил истерзанный рассудок.

– «Ну его к черту!» – ответила непроходимая глупость.

К великому сожалению господина Пэ-Яня, справедливость занесла страждущего вовсе не в королевский дворец, а на лесопилку. После чего, снарядив страдальца необходимым для работы инструментарием, заставила трудиться до скончания дней.

Инженер Эгоизис и вовсе не мог понять, как такое могло произойти. Только что он выкрикивал требования о необходимости его скорейшего восхождения по карьерной лестнице. О срочном повышении зарплаты. Ведь он это заслужил! А сколько всего он построил! Фасад магистрата – это его работа! Лавка ростовщика – его рук дело! Как вдруг – «щелк», и он в окружении брошенных им троих детей и жены, в жалкой лачуге на окраине города.

Полицейстер Взяткинс, хоть по долгу службы и не участвовал в демонстрации, но все же ежедневно сетовал на превратности судьбы. Тут не взял, там недобрал. Так и на жизнь не хватит! Впрочем, и этот примечательный господин был услышан незримым наблюдателем. В один миг разбушевавшаяся метель ворвалась в дом к пересчитывающему, накопленное вне зарплаты, состояние полицейстеру и унесла блюстителя закона туда, где ему было самое место – за решетку.

Миновав городской суд, буран устремился дальше по направлению к... То есть, как, миновав?

«Было бы наивно полагать, что в этом местечке могла когда-нибудь воцариться справедливость», – рассудил старик.

Хозяйка трактира Здервильда ненавидела свою жизнь. Изю дня в день содержать этот бардак, готовить, мыть грязную посуду. Но больше своей никчемной жизни она ненавидела окружающих. Этот мерзкий сброд! Пьяницы и бродяги! Да еще этот мальчишка-попрошайка привязался, будь он не ладен! Краюшку хлеба ему подавай! Три дня околачивался. Хоть сегодня его не видно, и то хорошо! Не дав Здервильде принять заказ, упрямый вихрь ворвался в трактир и унес хозяйку далеко-далеко...

Женщину окружал дремучий лес. Подобная смена обстановки настолько сильно пришлась не по нраву Здервильде, что она внезапно захотела вернуться в свой захудалый трактир. Вдруг из-за дерева выскользнула маленькая тень. Женщина оцепенела от ужаса.

– Не бойся, – прошептала тень, – разве ты не узнаешь меня?

Здервильда узнала голос мальчика, того самого, который не так давно на протяжении нескольких дней просил у нее еды.

– Вот, возьми, – тихонько произнес он и протянул напуганной женщине горсть орехов, – мне они больше не понадобятся, а тебе тут еще жить да жить.

Один из немногих, кто не взывал к справедливости, был господин, укрывшийся в глубинах своего особняка. О! Мистер Злогфрид знал, откуда дует ветер. Все эти переулки Правды, праведные бури и лавки безделушек надобно обходить стороной. Очень уж много от них хлопот! Аристократ всегда избегал справедливости, потому и сумел сколотить свое огромное состояние.

Вскоре площадь опустела. Каждый получил то, что просил, и метель утихла.

– Ну, теперь-то уж они здесь не скоро объявятся, – произнес старик и, устроившись поудобнее на своем облаке, вновь уснул.

Путешественник

Теплый летний ветерок пролетал над поросшими густой травой полями, с легкостью преодолевая холмы и тревожа водную гладь глубоких озер. Бывал он и там, где не ступала еще нога человека. Но, в силу привычки, нигде не задерживался подолгу, то и дело меняя направление, путешествуя.

Ступая по пыльной дороге, подгоняемый летним ветерком, странник держал курс на городок Обыденсбург.

Как и его своевольный спутник, путешественник, по обыкновению именуемый цивилизованным миром «бродягой», за свою длинную жизнь, пересек немало полей и холмов. Под палящим солнцем и ледяными ветрами пролегал его путь. Невзирая на стужу и голод, на болезни и гонения, ступал он там, где не всякий решился бы пройти. Но, как и его ветреный спутник, странник нигде подолгу не задерживался, то и дело меняя свой курс, избегая оседлости.

Некогда с радостью встречавший всякое новое место, путник, теперь смотрел на приближающийся город с тоской.

Он и рад бы с распростертыми объятиями броситься навстречу новому и принять с благодарностью щедроты этого мира, но не мог. Теперь не мог.

И как ему, хромоту, теперь взбежать на холм?

Как ему с этой проклятой отдышкой и ноющей болью в груди преодолеть горный перевал с его холодами и крутыми подъемами?

Да и охапка сена в поле, некогда служившая ему постелью, была больше не мила.

Старость сменила молодость, и боль, которую теперь нельзя было так просто преодолеть, затмила всякую радость,

Занятый своими тоскливыми мыслями, путник и не заметил, как пересек городские ворота и оказался в Обыденсбурге.

Жизнь в городке неспешно текла своим чередом. Награжденные безоблачным летним днем горожане направлялись по своим делам. Изредка в толпе мелькали полицейские фуражки, чьи хозяева без особых усилий и чрезмерных хлопот исполняли свой долг, патрулируя пыльные городские улочки. Не слишком раздосадованные очередным рабочим днем клерки разбредались по своим конторам.

Под негодующие реплики толпы, громко крича, через серую людскую массу весело пронеслась детвора.

«Путь до города был не близок», – подумалось гостю, чьи ноги ныли от усталости, – «вот уже почти двое суток без еды».

Местный трактир со звучной вывеской «Не в деньгах счастье» попался на глаза путнику.

Несмотря на столь ранний час, заведения было предостаточно. А по виду некоторых из них можно было смело сказать, что они меняли свои деньги на счастье еще с ночи.

Племянник без вести пропавшей прошлой зимой хозяйки трактира Здервильды хмуро вел подсчеты серебра в кассе.

Бросив беглый взгляд на нынешнего владельца заведения, можно было с уверенностью сказать, что мистер Гадсон – достойная замена тетюшки.

– Доброго Вам утречка, – раздалось возле трактирной стойки.

– Три серебряника! – тут же ответил хозяин заведения, не поднимая головы.

– Что, простите? – не понимая произнес путник.

– За прощением это не к нам, – оторвавшись от расчетов, резко бросил мистер Гадсон, – три серебряника за кружку эля, и деньги вперед!

– Увы, у меня нет денег. Но я бы с удовольствием рассказал Вам интересные истории о городах, в которых я побывал, взамен на краюху хлеба.

Выражение физиономии мистера Гадсона приняло оскорбленный вид.

– Мне кажется, кое-кто позабыл, где он находится! – с вызовом произнес хозяин трактира. – Это достойное заведение, а не какой-то там приют для нищих! И я не намерен раздавать свое с трудом нажитое имущество всяким проходимцам!

Под мощным напором мистера Гадсона гость спешно покинул трактир, чуть не подвернув большую ногу о высокий порог.

«Да, такое и раньше бывало. Но с каждым годом становится все чаще и чаще», – думалось ему.

Молодому, полному сил искателю приключений отказать было гораздо сложнее, чем старому и больному бродяге.

На ярмарке, что расположилась на Лапшичной площади городка, путник также не возымел успеха.

Тут и там усталый и голодный путешественник только и слышал в ответ:

– Уходи! Не до тебя сейчас!

– Не видишь, я с покупателем общаюсь!

– Будешь тут шнырять – окажешься в полиции!

Безуспешно поблуждав некоторое время по городу, странник, наконец, набрел на огромный, обнесенный решетчатым забором, кирпичный особняк.

«Ну, тут уж для меня наверняка что-нибудь найдется», – подумал он про себя, ковыляя к дому.

Так вышло, что утро сего дня мистер Злогфрид проводил не на заседании магистрата, и не в судебном заседании по одному из его многочисленных требований о притеснении незащитных горожан, а на балконе второго этажа собственного особняка с газетой в руках.

Особое внимание мистер Злогфрид уделил колонке, где были опубликованы сведения о финансовом состоянии банка «Вкладов-скрадов», где он числился председателем.

Злобная ухмылка, возникшая на лице хозяина дома, говорила о том, что дела у банка шли хорошо, чего нельзя было сказать о делах простого народа, изъявившего желание сделать вклад в этом банке, или, что еще прискорбнее, взять деньги в кредит под неподъемный процент.

– Я очень извиняюсь, благородный господин, что побеспокоил Вас, – послышался голос из-за ворот, – но я устал с дороги и не ел несколько дней. Не откажете ли Вы мне в просьбе и не дадите старому больному путнику немного еды?

Признаться, мистер Злогфрид не сразу понял, что фраза адресована ему.

Да и кто в этом городе, пребывая в здравом уме и трезвой памяти, мог дерзнуть обратиться к нему с подобным?

Выглянув из-за газеты, хозяин заметил возле своих ворот бродягу, который просительно смотрел прямо на него.

«Нет, ошибки быть не может», – подумал мистер Злогфрид и стал закипать, словно чайник.

– Ты хоть знаешь, кто я?! – рявкнул хозяин, отбросив газету.

– Добрый человек, который не пожалеет немного еды для нуждающегося, – как ни в чем не бывало, ответил странник.

От фразы «добрый человек» у мистера Злогфрида задергался глаз, и, казалось, пропал дар речи.

Несколько секунд он глядел на бродягу, в попытке разглядеть хоть тень издевки, что могло бы хоть как-то объяснить подобное поведение.

– Спустить собак! – завопил хозяин особняка, убедившись, что перед ним предстал самый распоследний мерзавец.

Огромных усилий стоило путнику скрыться от гнева мистера Злогфрида.

Лай собак позади, наконец, стих, а боль в груди все нарастала.

Голод все сильнее скребся в животе, вызывая головокружение.

Не выбирая пути, странник свернул с основной дороги и очутился в переулке Правды.

Вывески разных лавочек мелькали перед его взором.

Через некоторое время путник заприметил вывеску, отличную от встретившихся ему на пути. «Приют странника» – гласила табличка.

– Ну, уж, если в этом месте не найду я пристанища..., – вздохнул он и, с трудом поднявшись на маленькое крыльцо, постучался.

– Войдите, – тут же последовало приглашение.

Очутившись внутри, странник окинул взглядом небогато убранную, но, тем не менее, уютную комнату. Посреди комнаты стоял накрытый стол, за которым сидел хозяин – пожилой мужчина в соломенной шляпе.

– Я прошу прощения..., – начал было путник, но закашлялся из-за боли в груди.

– Прошу к столу, дорогой гость. Сначала поешь, а потом уж и расскажешь, каким ветром занесло тебя в наши края, – добродушно произнес хозяин.

Странник, насколько позволило ему его состояние, поклонился в ответ и, повесив на крючок пыльный потертый плащ, присел к столу.

Для измученного дальней дорогой, голодом и городским «гостеприимством» путника скромно накрытый стол мог сравниться с королевским пиром.

Жаркое из кролика, нежный козий сыр, мягкий хлеб и прохладная, чистая вода.

Казалось, все невзгоды были позади. В груди заметно полегчало, и тяжесть в ногах улетучилась.

– Не знаю, как тебя и отблагодарить. Признаться, в этом городе я больше и не ждал встретить гостеприимства.

– Потому мое заведение и называется «Приют странника», – улыбнулся хозяин.

– Это просто чудо, что я нашел его!

– Мой приют всегда появляется в нужное время и в нужном месте, дорогой гость. И всегда поможет тому, кто готовится к дальней дороге.

– О, добрый мой хозяин, боюсь, что мне больше не вынести путешествия, – с тоской произнес путник, – я уже не молод и ноги уже не те.

– Разве для путешествия обязательно быть молодым или иметь здоровые ноги? – поинтересовался хозяин, – я думаю, главное ни о чем не жалеть и двигаться вперед.

– Когда-нибудь должна быть остановка, – ответил путник, – я очень много странствовал и много повидал. Я видел горы, покрытые снегом, и города, вторя горным вершинам, тянущиеся ввысь. Я видел бескрайний океан, уходящий за горизонт, и море людей, волнами движущихся по городским площадям. Я всегда шел только вперед, и не было у меня времени жалеть о чем-либо. О том, что не осел в каком-нибудь городке и не сколотил состояние. О том, что не получил профессию и не завел семью. Я всего-навсего наблюдатель в этой жизни. Я вошел в нее словно в музей только лишь для того, чтобы восхищенно взглянуть на ее чудесные экспонаты, а потом...

– Дорогой мой друг! – успокаивающе произнес хозяин, – ты переутомился и потому взволнован. Позволь предложить тебе постель.

Гость покорно повиновался и, улегшись в мягкую кровать, устремил свой взгляд в открытое окно.

– Я очень жалею, друг мой, что не могу предложить тебе постель помягче.

– О, что Вы, добрый хозяин, это постель самая мягкая из всех постелей, на которых я когда-либо лежал, потому как напомнила мне стог сена на лугу, который служил мне ложем в дни моей молодости.

– Я очень рад, что сумел угодить моему гостю, – улыбнувшись, произнес хозяин.

Путник глядел в открытое окно, откуда доносился шум улицы. Разговоры лавочников, скрип открывающихся дверей, цокот копыт. Казалось, все эти звуки были единственной для странника лазейкой, связывающей его с этим миром.

О, как бы он хотел вновь впитать в себя все его красоты. Смахнуть рукой капли утренней росы со стеблей травы. Вдохнуть полной грудью морозный воздух на горном перевале. Пройти босиком по морскому берегу, ощутив на ступнях каждый камешек.

Он уже готов был подняться и броситься навстречу этому миру, как тут же боль в груди вернулась и сдавила, что есть силы. Сдавила так, что заставила гостя прикрыть глаза и в одну секунду вспомнить все, что с ним случилось за всю его длинную по меркам путешественника жизнь.

Хотел бы он просить ее ослабить хватку, чтобы вновь, без спешки, в тишине и покое обратиться к своим воспоминаниям, словно книгу, перелистать страницы своей жизни. Но, увы.

В тот же миг занавески на окне всколыхнулись, впустив в комнату теплый летний ветерок. Немного покружив по комнате, бывалый путешественник подлетел к кровати и, на прощание всколыхнув своим дыханием прядь седых волос на голове своего старого знакомого, выпорхнул наружу.

– Доброй дороги, друг мой, – произнес хозяин и, затворив окно, задернул занавеску.

Суд

Суровую, холодную зиму, наконец, сменила весна. В городке Обыденсбурге выдался погожий денек. Солнце что есть силы старалось согреть своими теплыми лучами промерзшую за долгую зиму природу. Навстречу солнечным лучам тянулась стеблями мать-и-мачеха. Освободившись из ледяных оков, ручейки прокладывали себе путь по каменным мостовым городка. Встречая весну, из отопленных домишек на улицу выползали горожане.

Но было в городке такое место, где солнечное тепло ни за что не смогло бы растопить образовавшиеся там за многие годы ледники. И звалось это место городским судом Обыденсбурга.

Конечно же, помещения здесь отапливали. Только вот от работников веяло холодом.

Да, что там говорить о тепле, – даже ветрам справедливости дорога сюда была заказана.

Нет, не то чтобы это место полностью отгородилось от окружающего мира. Здесь можно было без труда почувствовать на себе ливень бюрократизма, узреть океан безразличия и спуститься с высоких холмов безысходности напрямиком в кратер хамства.

Сегодня в городском суде Обыденсбурга царил ажиотаж. По большому счету, он царил там частенько, когда слушалось очередное дело мистера Злогфрида к какому-нибудь бедолаге, по печальному стечению обстоятельств, переступившему дорогу местному богатею.

Хотя концовка такого события изначально была предрешена, местный люд все же был не прочь поглазеть на притеснение несчастных.

В этот день зал судебного заседания был забит до отказа. Все скамьи для слушателей были заняты, некоторые граждане даже принесли из дому свои табуретки. Те, кто посмышленнее, тоже прихватили на чем посидеть, только вот не для себя, а для продажи сидячих мест в аренду за пару серебряников. Самые стойкие, кому мест не хватило, были готовы «отстоять службу» во что бы то ни стало.

Какой-то господин, видимо, знаток таких вот расправ, притащил с собой куриную ногу и флягу с портвейном.

– Нутром чую, господа, все отымут! Все заберут! Как есть, все! – в предвкушении восклицал он, поворачиваясь то к одному, то к другому соседу по скамье.

Газетчики, сидящие на почетных местах в первом ряду, вооружившись перьями, были готовы занести очередную победу мистера Злогфрида в грядущий репортаж.

Бывший заведующий местным приходом, господин Пэнс, несмотря на обрушившиеся на него в почтенном возрасте глухоту и слепоту, не пропускал ни одного значимого события в городе. Конечно, многие бедняки сказали бы, что сии недуги настигли господина Пэнса гораздо раньше, и в особенности хорошо проявлялись при распределении денежных средств, поступавших от пожертвований, большая часть которых пошла на учреждение юридической конторы «Пэнс и Пэнни – юристы хоть куда» и постройку загородного дома.

К счастью, глазами и ушами мистеру Пэнсу служил его не менее почтенный сын, Пэнс младший – он же священнослужитель того самого прихода, где некогда трудился его достойный отец.

– Задержка в заседании, отец, – со скукой докладывал на ухо своему родителю, Пэнс младший.

– Невозможно допустить! – сурово отвечивал тот, притопнув ногой, после чего снова обретал невозмутимый вид.

Судебные приставы окидывали толпу унылым взглядом и отправляли в воздух звучные зевки.

Наконец, в зале появился судья, чей приход, как ни странно, не сильно повлиял на царившую в зале атмосферу балагана.

– К порядку! – рявкнул судья Бэнкс и для пушей убедительности грохнул деревянным молотком по столу.

Подобное требование вполне могло бы вызвать повиновение у жителей соседних городов, но только не у граждан Обыденсбурга, коим судья Бэнкс был известен не иначе, как «дятел».

Но если дятел стучал клювом в целях пропитания, то для чего портил поверхность своего потертого стола мистер Бэнкс, оставалось для всех загадкой.

– По делу «Злогфрид против хозяина лавки безделушек» приглашаются стороны! – объявил судья, – что за ерунда... какой еще хозяин лавки? – пробормотал он себе под нос, – а где же инициалы ответчика?! – прикрикнул судья Бэнкс на писаря, на что последний лишь угрюмо пожал плечи.

Уверенными шагами, под одобрительные возгласы местной аристократии, по залу, постукивая тростью, прошеествовал мистер Злогфрид.

Добравшись до места, предназначенного истцу, богатея с важным видом плюхнулся на стул, кивком головы поприветствовав судью.

Следом за ним в зале появился пожилой мужчина в соломенной шляпе, не вызвавший особого интереса у толпы, как и прочие жертвы богатея.

– Я объявляю слушание по делу открытым, – провозгласил судья и по традиции стукнул молотком по столу, – итак, стороны по делу, я жду ваших клятв в искренности приносимых вами суду показаний.

– В моем слове, дорогой мистер Бэнкс, Вы можете не сомневаться, – не вставая, произнес господин Злогфрид, – оно так же крепко и основательно, как мои банковские счета.

Писарь тут же отправился фиксировать судебный процесс.

– Теперь перейдем к Вашей клятве, хозяин лавки безделушек, господин... ммм..., – судья сделал вид, что пытается вспомнить имя.

Ответчик, как ни в чем не бывало, стоял перед лицом правосудия, молчаливо уставившись на судью Бэнкса.

– Вы ничего не хотите мне сказать? – сердито произнес судья, так и не дождавшись ответа.

– О, что Вы, конечно же, нет, – добродушно произнес хозяин лавки, – Вы ведь пребывали в раздумьях, и я не хотел Вас прерывать.

– Хм, я никак не припомню, как Вас зовут, – уступив наивности ответчика, произнес судья, – представьтесь, пожалуйста.

– Вы все абсолютно верно сказали, – поспешил ответить мужчина.

– И что же я верно сказал? – недоуменно произнес мистер Бэнкс.

– Мое имя.

– Но я не называл никакого имени, – непонимающе промолвил судья.

– Нет, Ваша честь, назвали. Вы сказали «никак не припомню». Это и есть мое имя.

Из зала послышались тихие смешки.

– Ох, и не зря я сегодня сюда пришел! – радостно хмыкнул господин с куриной ногой, делая глоток портвейна.

– Полоумного судят! – прокатилось по залу.

– Невозможно допустить! – проснулся мистер Пэнс после того, как сын довел до его сведения новый факт судебного процесса.

– Но как это вообще может быть именем?! – вскипел судья Бэнкс.

– Конечно, может. И оно звучит гораздо лучше, чем «хозяин лавки».

Мистер Злогфрид презрительно хмыкнул.

Не веря своим ушам, судья окинул взглядом собравшийся люд, словно взывая к помощи зала. Но зрители не горели желанием прерывать столь интересный ход событий и потому молча созерцали растерянный вид судьи. Писарь лишь пожал плечами. Мистер Бэнкс, крайне раздосадованный столь безрадостным началом судебного процесса, провозгласил.

– Ну, что ж, пусть будет «никак не припомню».

– Невозможно допустить! – вновь выказал недовольство мистер Пэнс.

– Благодарю Вас, Ваша честь, большего я и не смел ожидать, – невозмутимо произнес ответчик.

Судья внимательно всматривался в простодушное лицо ответчика, но, так и не найдя на нем тени насмешки, продолжил.

– В таком случае, ответчик, принесите перед судом клятву.

– Прошу прощения, Ваша честь, но разве для того, чтобы говорить правду, необходимо давать клятвы?

– Вроде дурак, а за словом в карман не лезет! – имел честь сообщить своим соседям господин с куриной ногой.

– Делая поправку на незнание Вами законов, я, так и быть, напому Вам, что имеется определенный порядок, который необходимо соблюдать всем без исключения, – сурово произнес судья Бэнкс.

– Так и есть, Ваша честь. Но, боюсь, что я не могу согласиться со всем, что Вы сказали, – как ни в чем не бывало отвечивал мужчина в соломенной шляпе.

– Что?! – собирая в кулак остатки терпения, рявкнул судья и по традиции наградил ударом молотка стол.

Перья газетчиков спешили зафиксировать происходящее.

– Исключения все же имеются. Да и как им не быть! Вот взять, к примеру, господина Злогфрида, который провел в моей лавке так много времени и ничего не приобрел.

– Да, как ты смеешь, мерзкий старик! – прорычал аристократ.

– Так вот, даже если бы сей господин и принес суду клятву по закону, – не обращая внимания на грубое высказывание, продолжал ответчик, – очень сомневаюсь, что она была бы искренней, ведь именно искренности господин Злогфрид предпочел коварство и лицемерие.

По лицу аристократа было заметно, с каким трудом он сдерживает себя, чтобы не швырнуть в своего обидчика тростью.

– Невозможно допустить! – последовал комментарий бывшего заведующего местным приходом.

Толпа забурилась, а приставы перестали зевать.

– К порядку! – наконец опомнился судья, стукнув молотком по столу.

Волнение в зале немного поутихло.

– Ну, что же, – убедившись, что обстановка чуточку разрядилась, недовольно произнес судья, – будем считать подготовительный этап завершенным.

– Именно это и заявила мне моя женушка, после того, как священник объявил нас парой перед Богом, – довел до сведения своих соседей господин с обглоданной куриной ногой.

– Итак, требование господина Злогфрида к «никак не припомню», – из зала донесся приглушенный смех, – основано на том, что лавка «никак не припомню», расположенная в переулке Правды, – кто-то захихикал, – находится там незаконно. Продавец безделушек, он же – господин «никак...» кхм..., – запнулся судья, с опаской глянув в зал, – в общем, ответчик... на самом деле вводит покупателей в заблуждение и ничего не продает, а в связи с тем, что такое заведение не ведет торговли, то и не может считаться лавкой в привычном для нас понимании. Из чего следует, что данная собственность должна быть изъята из пользования ответчика и передана магистрату в лице господина Злогфрида. Все верно, господин Злогфрид?

– Конечно, мистер Бэнкс. Даже я не смог бы изложить яснее, – отвечивал аристократ.

– Так, что Вы имеете нам сообщить по поводу предъявленных требований? – устремил взор на ответчика судья.

– Только что, Ваша честь, прозвучало более чем подробное изложение событий..., – начал господин в соломенной шляпе.

– Так Вы признаете требования господина Злогфрида? – с надеждой произнес мистер Бэнкс.

– Увы, нет, – под недовольное «хм» судьи и презрительный «кхм» аристократа ответил хозяин лавки, – я сделал бы это с превеликим удовольствием, будь в данном требовании упомянуто хоть что-то правдивое, кроме наименования переулка. Но дело, конечно же, не в этом...

– А в чем же тогда? Будьте так любезны пояснить суду и, по возможности, сделайте это в предельно сжатой форме, – сверившись с карманными часами произнес судья Бэнкс, чей мысленный взор в данный момент был устремлен на сытный обед, ожидавший его в ресторанчике неподалеку.

– Именно это я и намереваюсь сделать. Ведь отнимать у Вашей чести обеденное время было бы непростительно с моей стороны, учитывая, что нынешний судебный спор, как и все предыдущие, уже предрешен, – добродушно ответил господин в соломенной шляпе, поймав на себе подозрительный взгляд судьи.

– И действительно, это было бы вполне ординарное дело, если бы не одно «но»..., – продолжал ответчик, – дело в том, что это не я ничего не продаю, а у меня ничего не покупают. Что бы я не предлагал – спроса никакого. Потому и торговли нет.

– Возможно, ваши товары попросту не отвечают требованиям покупателей? – снисходительно спросил судья.

– О, нет, Ваша честь, боюсь, что дело обстоит как раз наоборот – покупатели не отвечают требованиям моих товаров, – заключил господин в соломенной шляпе, и в зале вновь забурило.

– Не вижу никакой логики в том, что вы только что сказали, – неодобрительно произнес мистер Бэнкс.

– Сперва я тоже так решил. Ведь как-то нелогично выходит, что господин Злогфрид ничего не собирается делать со своим коварством, мистер Пэнс – со своей жадностью, а его сын – с лицемерием..., – заявил хозяин лавки под ругань аристократа.

– Невозможно допустить! – воскликнуло в унисон семейство Пэнсов.

– Но тут я все понял, – словно не замечая нарастающего шторма, продолжал ответчик, – ведь о каком споре может идти речь при такой безысходности, свалившейся на этих несчастных людей!

Судья Бэнкс пребывал в растерянности.

– С самого детства господин Злогфрид не знал любви. Не знал он, что такое родительское тепло и забота.

Если бы не приставы, аристократ наверняка добрался бы до обидчика и использовал свою трость не по назначению.

– С ранних лет, хоть и будучи обеспечен всем необходимым, – не обращая никакого внимания на агрессию, продолжал хозяин лавки, – он буквально был брошен своими родителями в окружении слуг, которым не было до него никакого дела. Все, что малыш мог слышать от своего отца редкими поздними вечера, что нынешний парламент никуда не годится, и раньше порядки были куда лучше. Мать же ребенка предпочитала званые обеды обществу своего сына. Единственным утешением мальчика было смотреть через окно, как на улице играли соседские дети. Но вскоре и эта последняя отрада превратилась для него в проклятие. Ведь любые контакты с простолюдинами ребенку были категорически запрещены!

Господин Злогфрид стоял, не шелохнувшись, а лицо его приобрело бледный оттенок.

Мертвая тишина воцарилась в зале суда.

– Но не менее грустную историю мы услышим, если обратим свой взор на семейство Пэнсов, – продолжал ответчик, – глава семейства – почтенный господин Пэнс, будучи управителем местного прихода, не был готов делить церковные пожертвования с нуждающимися. Чего уж говорить о душевном тепле и любви, которые он не отдал своей почившей супруге и Пэнсу-

младшему. Даже стоя перед ложем умирающей жены, господин Пэнс не смог проронить слезу, как ни старался. Жадность и безразличие иссушили его душу. А как Пэнс младший нуждался в отцовском тепле! Но все, что смог дать своему отпрыску господин Пэнс, – это ледяное сердце и звон монет, который заглушил отзвуки душевных струн.

Семейство Пэнсов, словно громом пораженное, лишилось дара речи.

– Но какое это, черт возьми, имеет отношение к делу! – опомнился судья, стукнув молотком по столу.

– А вот он вам сейчас скажет! – выкрикнул из зала господин с портвейном и подмигнул своим соседям.

– Самое, что ни на есть, прямое, – ответил хозяин лавки, – так уж вышло, что мистер Пэнс и господин Злогфрид – давние знакомые. И, увы, их знакомство зиждилось исключительно на деньгах. Но в этом не было ничего предосудительного, за исключением того, что их совместный заработок был мошенничеством.

Судья Бэнкс, смекнув, что пора заканчивать, что есть силы ударил молотком по столу, от чего деревянный молоток слетел с рукояти и покатился по полу.

– Достаточно! – рявкнул он.

Но толпа была не готова прерывать повествование на столь интересном месте.

– К порядку! – воскликнул хором зал.

В особенности выделялся крик господина с портвейном.

Не веря своим ушам, мистер Бэнкс вскочил со своего места.

– Все вон из зала! – заорал он.

Но «все» не желали уходить.

Рассвирепев от такой наглости, судья дал команду приставам, – вывести всех!

Приставы взглянули на «всех», а «все», в свою очередь, уставились на приставов.

Последние, рассудив, сколько на их плечи ляжет работы, посмотрели на судью.

Судья тоже не терял времени даром и окинул взглядом «всех». После чего, удостоверившись, что «все» не желают уходить, а приставы не желают осуществить подобную затею, растерянно произнес, – что ж, продолжим!

– Благодарю, Ваша честь, на большее я и не мог рассчитывать, – без тени усмешки произнес господин в соломенной шляпе, – из всех многочисленных махинаций, кои совершили упомянутые мной только что господа, можно отметить подтасовку выборов в магистрат и занятие господином Злогфридом должности председателя с правом распоряжения собственностью Обыденсбурга.

– «Кажется, запахло жареным» – говаривал мой папаша, когда его почтенная женушка находила очередной тайничок с виски, – смел заметить своим соседям господин с портвейном.

– Конечно, подобная власть лишь усугубила и без того плачевную ситуацию мистера Злогфрида, который, уходя из моей лавки, не только ничего не приобрел, но позабыл даже остатки своей совести.

Мистер Злогфрид был настолько взбешен, что переломил свою трость надвое.

– И откуда же Вы все это знаете, господин ответчик? – сверкнул глазами судья, – какие у Вас имеются доказательства?!

Хозяин лавки промолчал, внимательно посмотрев на мистера Бэнкса.

– Ага! Так это клевета! – стукнул кулаком по столу судья, – неуважение к суду! Зафиксируй немедленно! – бросил он писарю.

– Вас я тоже не видел в своей лавке, – произнес господин в соломенной шляпе, – зато в компании мистера Пэнса и господина Злогфрида Вы заняли почетное место, о чем говорит успех магистрата во всех судебных процессах по изъятию имущества.

– Да как ты смеешь! – завопили в унисон мистер Пэнс, господин Злогфрид и судья Бэнкс.

– Что-то в этом роде ответил мой добрый друг полицейскому, который препровождал его в участок при взятии с поличным за кражу, – не мог не сообщить своим соседям господин с пустой флягой для портвейна.

– Боюсь, что мне более нечего поведать суду, – печально произнес ответчик, – разве, что этого суда могло и не состояться, если бы вы были покупателями в моей лавке, – окинул он взглядом весь зал.

– В таком случае, – рявкнул вышедший из себя мистер Бэнкс, – суд удаляется в совещательную комнату для вынесения решения!

– Должен Вас огорчить, уважаемый судья, но это я удаляюсь для прогулки на свежий воздух, а Вам настоятельно рекомендую более не принимать поспешных решений в своей жизни и немедленно направиться в ресторан, чтобы, в конце концов, пообедать.

Получив за сегодня как хлеба, так и зрелищ, толпа, за исключением горстки аристократов, приставов и газетчиков, решила не останавливаться на достигнутом и тоже огорчить «правосудие».

– Заседания объявляется закрытым! – проорал изрядно набравшийся господин, размахивая пустой флягой.

– К порядку! – ухнул зал.

О случившемся в этот погожий весенний денек переполохе в городском суде газеты гудели ни один месяц.

Поломанная мебель, разбитая люстра. Некто даже угодил в лоб судье куриной костью!

Заголовок: Злогфрид против «Никак не припомню. «Такое попробуй позабуди!» маячил на первой полосе.

Бедный мистер Пэнс с тех пор лишился дара речи.

Для тихого и спокойного городка и такой скандал!

Мистер Бэнкс счел своим долгом оставить место службы, предпочтя должность владельца ближайшего ресторана.

Мистер Злогфрид после недавнего скандала вел себя как ни в чем не бывало, только вот сторожевых собак в его особняке изрядно прибавилось.

«Странное дело», – подумал хозяин лавки, прогуливаясь после судебного заседания по переулку Правды, – «я так и не понял, кому это было нужно?».

«Одни хотели хлеба и зрелищ», – рассуждал он, – «потому и пришли в зал суда для потехи».

«Другие же – дать им все это, потому и пришли в зал суда для выступления».

«Но при чем тут лавка безделушек с ее товарами, и кого из собравшихся она вообще интересовала, вот это вопрос...», – вздохнул господин в соломенной шляпе.

ПОВЕСТЬ: СОЛЭС

Пролог

Серое безоблачное небо, лишенное ярких красок, распростерлось над бездушным городом Солэс. Редкие дожди тщетно пытались вселить жизнь в это заостренное верхушками высоток творение людских рук.

Возвышающееся над остальными небоскребами здание корпорации «Чизис», по всей видимости, вознамерилось продырявить своим шпилем расстеленное над ним серое полотно. То и дело мелькающий на огромном экране гиганта логотип компании в виде надкушенного куска сыра, вновь напоминал жителям города Солэса о существовании вездесущей корпорации. Впрочем, даже если люди бездушного мегаполиса вдруг и захотели бы позабыть о присутствии могущественной организации, им вряд ли это удалось. Созданные компанией всевозможные устройства, полностью захватили жизнь слабовольных граждан. Телевизоры, телефоны, внедряемые в организм человека чипы, компьютеры и прочие электронные приспособления – все носило логотип корпорации. Отрыв от реальности и погружение в мир электроники были настолько сильны, что люди не были способны даже улыбнуться изредка появляющемуся солнцу или вслушаться в песнь соловья, случайно посетившего каменные джунгли. Подобно людским душам, редкие деревья в мегаполисе иссыхали. И лишь далекий, безынтересный искалеченной людской натуре пригород, все еще сохранял в себе природное богатство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.